ПРИЗНАКИ СТАРОЙ БОЛѢЗНИ

ВЪ НАШЕЙ ПЕДАГОГІИ.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ директоромъ училищъ въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній, я былъ поставленъ своимъ служебнымъ положеніемъ въ возможность узнать ближе другихъ истинный характеръ и стремленіе нашей теперешней офиціальной педагогіи. Это даетъ мнѣ надежду, что высказываемыя мною мысли будутъ приняты съ тою же искренностію и серьезностью, съ какою они зародились въ моей головѣ.

Мы теперь присутствуемъ при великомъ переломѣ общественной жизни, мы осязаемъ всѣми нервами боли перерожденія, неизбѣжныя при вступленіи общества въ новый возрастъ жизни.

Обломки прошлаго—живучіе, цѣпкіе, какъ все давно укоренившееся,—поддаваясь на мгновенье давленію новой силы, снова появляются на поверхности вездѣ, гдѣ новая сила перестаетъ или еще не начинала давить. За разбитыя глыбы стараго сплошнаго льда цѣпляется еще большинство рукъ, привыкшихъ вѣрить въ его незыблемость.

Новое пробивается сквозь разрушенье и безпорядокъ, обѣщая болѣе, чѣмъ можетъ дать, слабѣя въ борьбѣ, не внушая довѣрія тѣмъ, кто вѣритъ только свидѣтельству своего опыта, кто весь живетъ, стало быть, въ старомъ. Нужно много философскаго и историческаго смысла, чтобы не потеряться въ кажущихся противорѣчіяхъ и путаницѣ переходнаго времени. Личный ин-

тересъ современниковъ незамѣтно подкрашиваетъ тѣ критическія стекла, сквозь которыя они созерцаютъ событія. Затрудненье минуты кажется началомъ коренной гибели; слабости отдѣльныхъ лицъ, одного сословія, одного поколѣнія принимаются за роковыя черты народнаго характера. Съ такой тревожной точки зрѣнія мы судимъ обыкновенно наши реформы. Спокойной, олимпійской объективности невозможно требовать отъ тѣхъ, для кого въ минутѣ, въ частномъ случаѣ, въ одномъ колыханіи исторической волны—вся жизнь.

Статистика, доказывающая уменьшеніе смертности изъ вѣка въ вѣкъ, не утѣшитъ мать, теряющую нынче ребенка, и побѣдный бюллетень покажется горестнымъ пораженіемъ отцу, котораго сынъ сдѣлался единственною жертвой славной побѣды. Но среди припадковъ негодованія, страха, сомнѣній и разочарованій, внушаемыхъ намъ перерожденіемъ народнаго организма, въ которомъ мы теперь участвуемъ, самые безнадежные изъ насъ все-таки стараются отыскать пути и средства, помощью которыхъ болѣзнь историческаго роста народа получила бы счастливый исходъ. Мы всѣ чувствуемъ, что мы безсильны, не подготовлены къ обязанностямъ новаго возраста, что сытое чрево и слѣпая голова старой личинки недостаточны для смѣлаго воздушнаго полета, который становится необходимъ взрослому насѣкомому.

Отовсюду слышатся намъ голоса: «крестьяне ньянствуютъ, чиновники берутъ взятки, земство лѣнится, всѣ бѣднѣютъ...»

Новое вино льется сквозь дыры мѣха стараго. Какъ быть? Гдѣ достать для вина новаго мѣхи новые? И вотъ, какъ во дни пустыннаго скитанья евреи старались спастись отъ окружающей ихъ гибели, вперяя уповающіе взоры въ мѣднаго змія, такъ и всѣ мы, смущенные нравственною неурядицей проживаемой нами исторической минуты,—всѣ свои упованія сосредоточили на вопросѣ народнаго образованія, на этомъ фантастическомъ рогѣ изобилія всевозможныхъ будущихъ даровъ.

Я далекъ отъ такого абсолютнаго упованія на силу образованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Я не сомнѣваюсь, что движеніе человѣчества впередъ во всѣхъ областяхъ его дѣятельности зависитъ исключительно отъ развитія образованія,—но образованія, понимаемаго во всей широтѣ смысла, а не собственно школьнаго. Судъ, религія, общественная и семейная жизнь, промышленная дѣятельность всѣхъ видовъ, словомъ,—всѣ

практическія стороны народной жизни, конечно, гораздо болѣе опредѣляютъ будущее народа, его характеръ, его силы, чѣмъ школа въ тѣсномъ смыслѣ.

Справедливо кто-то замѣтилъ, что Magna Charta англичанъ—основа вольностей и благоденствія страны—была добыта баронами, не умѣвшими подписать подъ нею своихъ фамилій. Но, при всей огромности своего вліянія, школа несомнѣнно составляетъ существенный элементъ народной силы.

Въ ряду образовательныхъ силъ школа имѣетъ свою опредѣленную, ничѣмъ другимъ незамѣнимую функцію. Школа не создаетъ характера, не создаетъ нравственнаго чувства, не создаетъ промышленной ловкости и изобрѣтательности. Но школа просвѣщаетъ сознаніе и освѣщаетъ пути. Она даетъ человѣку способность обобщенія и вывода.

Человѣкъ, просвѣщенный школою, умѣетъ принять въ разсчетъ даже и то, что не прямо передъ глазами, что было, или будетъ, или есть вдалекѣ. Онъ уже въ силахъ возвыситься надъ частными случаями жизни. Его мыслительный органъ и его мыслительный матеріалъ одинаково подверглись теоретической шлифовкѣ, и черезъ это въ міръ просвѣщеннаго человѣка вносятся правильность и порядокъ. Въ то же время онъ уноситъ изъ школы самыя орудія, которыми достигаются эта правильность и порядокъ, которыми облегчаются затрудненія борьбы, обезпечиваются точность и достовѣрность пріобрѣтеній. Орудія эти—научные методы. Такимъ образомъ, школа, понимаемая какъ органъ науки, представляетъ важное условіе процвѣтанія и силы народа. Если надежды наши на нее слишкомъ односторонни и исключительны, то все-таки мы правы ожидая отъ школы, отъ научнаго образованія, сильнаго противуядія нашему общественному убожеству.

Мы въ правѣ поэтому и относиться особенно строго къ выполненію школьной задачи тѣми, кому общество поручаетъ ее.

Прежде всего мы въ правѣ требовать отъ рачителей школы искренности служенія ей. Какъ опредѣленный органъ съ опредѣленною функціею, школа не должна мечтать замѣнять собою всѣ многочисленные органы общественнаго тѣла, мѣшать свои отправленія, свои цѣли съ ихъ цѣлями. У ней есть спеціально ей свойственный методъ и спеціальный матеріалъ. Дѣлать школу орудіемъ религіозныхъ, соціальныхъ и политическихъ замысловъ значитъ подрывать въ корнѣ единственную живую силу школы и уничтожать ея призваніе.

Какъ въ храмѣ нѣтъ мѣста для торга, какъ въ биржѣ нѣтъ мѣста для научнаго мышленія, такъ въ школѣ не должно быть мѣста для чуждыхъ ей началъ. Школа—не семья, не обитель, не политическій клубъ и не канцелярія. Школа—домъ науки на всѣхъ ея ступеняхъ.

Исторія образованія убѣждаетъ съ особенною ясностію въ недоброкачественности плодовъ всѣхъ тѣхъ образовательныхъ стремленій, которыя предпринимались съ какими-нибудь цѣлями, чуждыми образованію. Школа, какъ орудіе отдѣльной партіи, секты, доктрины, — явленіе темнаго времени, а не элементъ современной гражданственности. Правда, въ средніе вѣка школа и монастырь, педагоги и духовенство были почти синонимами. Но стоитъ нѣсколько вникнуть въ причины этого явленія, чтобы понять, какъ мало заключаетъ оно оправданія для современныхъ стремленій теократическихъ партій овладѣть народнымъ образованіемъ. Изъ того, что въ теченіи многихъ вѣковъ священники были учителями, и иногда почти единственными учителями, отнюдь не слѣдуетъ, что функція образованія принадлежитъ духовенству, какъ сословію или профессіи.

Средніе вѣка во всѣхъ отношеніяхъ не то, что нашъ вѣкъ. Въ средніе вѣка человѣчество стояло на относительно низкой, младенческой ступени развитія. Организмы низшихъ ступеней, какъ въ смыслѣ систематики, такъ и въ смыслѣ эмбріологіи, отличаются смѣшеніемъ различныхъ функцій въ одномъ органѣ. Только съ дальнѣйшимъ развитіемъ организмовъ, органы и отправленія ихъ постепенно дифференцируются точнѣе и подробнѣе; масса живаго вещества, играющая въ низшихъ типахъ животнаго царства въ одно и то же время роль сердца, легкихъ, желудка, мускуловъ, нервовъ и проч., въ высшихъ представителяхъ животнаго міра обособляется въ строго-разграниченные, непохожіе другъ на друга, органы, въ особое сердце, особый желудокъ, особые нервы, которыхъ отправленія не смѣшиваются другъ съ другомъ, черезъ что и достигается для организма возможность болѣе сложныхъ и болѣе совершенныхъ актовъ жизни.

Духовенство среднихъ вѣковъ—представитель одного изъ начальныхъ фазисовъ общественной жизни—дѣйствительно служило для этой жизни въ одно и то же время и сердцемъ, и легкимъ, и нервами. Духовный былъ не только служителемъ религіи, руководителемъ душевнаго спасенія, но педагогомъ и

ученымъ, путешественникомъ и колонистомъ, адвокатомъ и нотаріусомъ, агрономомъ и промышленникомъ. Весь свѣтъ темнаго вѣка долго сосредоточивался въ одномъ сословіи, котораго спеціальное призваніе, т. е. служеніе религіи, обособилось, наконецъ, вмѣстѣ съ спеціальнымъ призваніемъ другихъ общественныхъ органовъ, въ вѣкъ подробнаго раздѣленія труда, этого основнаго закона общественной механики. Какъ странно было бы теперь духовенству претендовать на право суда, такъ же странно и требовать ему въ свои руки дѣло народнаго образованія, послѣ того, какъ въ усовершенствованномъ общественномъ организмѣ обособились для этихъ функцій особые органы въ сословіяхъ юристовъ, педагоговъ и ученыхъ. Люди науки безъ примѣси—вотъ единственные руководители народнаго образованія, которыхъ современный человѣкъ считаетъ компетентными. Эта точка зрѣнія совершенно обязательна для тѣхъ, отъ кого болѣе или менѣе зависитъ ходъ образовательнаго дѣла. Пристегивать школу къ вѣдомству Синода невыгодно для обѣихъ сторонъ.

Это, по пословицѣ, «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга».

Умъ развратится привычкою подтасовывать факты на идею, заданную внушеніями минутнаго интереса; онъ будетъ въ состояніи достигнуть только безсодержательно-діалектическаго развитія, этого привычнаго орудія безнравственныхъ цѣлей, но онъ, конечно, воспитается безъ малѣйшей силы и самостоятельности этимъ постояннымъ обманомъ самого себя, этимъ систематическимъ саморастлѣніемъ. Заученная софистика не замѣнитъ искренняго творчества духа и безкорыстнаго стремленія въ глубину вещей. Да и есть ли смыслъ въ какомъ-нибудь стремленіи, когда цѣли даны прежде, когда онѣ поставлены сзади, а не впереди. Китаизмъ, духовное скопчество въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ — обыкновенные результаты образованія, которое имѣетъ свои цѣли не въ себѣ самомъ, а приковано къ чужой колесницѣ.

Плѣнное, съ подрѣзанными крыльями, оскопленное образованіе перестаетъ быть органическимъ элементомъ развитія и долговѣчности народа, а дѣлается орудіемъ различныхъ заговорщиковъ противъ народнаго блага,—все равно, какія бы ни были намѣренія этихъ заговорщиковъ. Смѣшеніе умственнаго образованія съ религіозною стороною жизни человѣка еще вреднѣе отзывается на этой послѣдней.

Чѣмъ духовнѣе дѣятельность человѣка, тѣмъ она труднѣе покоряется искусственнымъ пріемамъ, тѣмъ губительнѣе для нея грубыя посягательства постороннихъ силъ. Свобода, искренность влеченья—есть первое условіе для отношеній человѣческаго духа къ его трансцендентальнымъ идеаламъ. Въ эту «святая святыхъ» человѣка не должно быть доступа ничему постороннему. Всякая офиціальность, всякое внѣшнее формулированіе и регулированіе религіозной нотребности убиваетъ эту потребность въ зародышѣ. Поэтому сообщать школамъ узкое, схоластическо-церковное направленіе можетъ сознательно только тотъ, кто желаетъ упадка религіознаго чувства въ обществѣ. Вслѣдствіе какого-то, жалости достойнаго ослѣпленія, можетъ-быть вслѣдствіе канцелярскаго отношенія ко всѣмъ вопросамъ народной жизни и отсутствія искренняго анализа ихъ, у насъ издавна хлопочутъ о сообщеніи какого-то старо-церковнаго характера народному образованію, именно съ цѣлью достигнуть торжества религіознаго чувства и дисциплинированія разума.

Будто кому-нибудь изъ насъ хотя когда-нибудь приходилось убѣдиться въ цѣлесообразности этой мѣры! Никому словно не хочется искренно отнестись къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ и къ безпристрастнымъ наблюденіямъ своего опыта. Кажется, для всѣхъ ясно, что въ жизни эта рутинная мѣра постоянно порождала одинъ неизбѣжный результатъ—именно явленія, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыхъ всѣ неосновательно отъ нея ожидаютъ по какому-то преступному невниманію къ урокамъ жизни.

У насъ считается дѣломъ гражданской и педагогической солидности, дѣломъ, стоящимъ внѣ вопроса,—что образованіе массъ, такъ-называемое *народное* образованіе должно быть необходимо религіозно-нравственнымъ.

Было бы крайне неразумно возставать противъ прекрасной и дѣйствительно необходимой цѣли—сообщить народу религіозно-нравственное настроеніе, этотъ священный огонь истинно-человѣческой жизни, отличающій насъ отъ примата, способный сообщить высоту и силу человѣку, задавленному гнетомъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Напрасно защитники религіознаго направленія народныхъ школъ прибѣгаютъ къ фальшивымъ диверсіямъ и стараются набросить тѣнь на друзей чистаго образованія, какъ на сторонниковъ матеріализма и безнравственности. Еслибъ они и нашли

такихъ людей въ средѣ своихъ противниковъ, то-все таки самая скромная доля логики и честности заставитъ ихъ признать существованіе другого враждебнаго имъ лагеря,—людей, которые возстаютъ противъ фальшиваго направленія офиціальнаго образованія не потому, что оно стремится къ нравственности, а потому именно, что этою фальшивостью своею оно подрываетъ нравственность.

Цѣли у людей чаще всего бываютъ одинаковы, и только средства исполненія составляютъ камень преткновенія и яблоко раздоровъ. Соціалисты, республиканцы стараго типа, конституціонисты, абсолютисты, всѣ зовутъ народы къ одному и тому же знамени — къ общему благу, и однако, несмотря на эту общность знамени, всѣ они смотрятъ другъ на друга, какъ на звѣрей разныхъ породъ.

Поэтому и споръ нашъ съ защитниками религіознаго направленія школъ,—конечно, только съ тѣми изъ нихъ, которые заблуждаются искренно, а не играютъ съ готовыми картами,—можетъ касаться только цѣлесообразности той или другой мѣры, такъ какъ ни одинъ серьезный человѣкъ не отвергаетъ необходимости правильнаго развитія ума, какъ главной цѣли образованія. Въ интересахъ народа самому правительству необходимо допустить совершенно чистосердечное отношеніе къ основнымъ вопросамъ общественнаго устройства и не подозрѣвать въ каждой серьезной критикѣ предвзятой враждебности къ нему. Современная исторія съ такою безпощадною наглядностію доказываетъ намъ пагубность этого добровольнаго зажмуриванія глазъ, этого легкомысленнаго игранія въ куклы коренными условіями народной будущности.

Нужно напрямикъ или вѣрить образованію, наукѣ, или бояться ея. Римская курія боится ея, не вѣритъ ей и поступаетъ по отношенію къ ней съ послѣдовательностью, достойною, конечно, лучшаго дѣла.

Только фальшивые люди, интриганы, имѣющіе за всякимъ явнымъ вопросомъ свою особую заднюю мысль, вынуждены бываютъ кокетничать съ идеями и теоріями.

Общество честныхъ людей, уважающихъ себя, не должно находиться въ ежеминутномъ страхѣ навлечь на себя подозрѣнье въ неблагонамѣренности по какому-нибудь одному признаку, способному дать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ людямъ, не умѣющимъ думать правильно. Эта хроническая нравственная дрожь—законный удѣлъ одной злонамѣренности. Между тѣмъ,

по разнымъ историческимъ причинамъ, у насъ даже честные дѣятели считаютъ себя обязанными портить хорошее, затемнять ясное, усложнять простое—въ видахъ устраненія съ чьей-то стороны разныхъ подозрѣній. Такъ, мы до сихъ поръ кокетничаемъ съ вопросомъ о духовно-нравственномъ воспитаніи народа. Всѣ въ отдѣльности сознаютъ,—мнѣ кажется, не исключая и самого духовенства,—что духовное сословіе не въ силахъ справиться съ навязанной ему задачей. Я не только видѣлъ, а изслѣдовалъ сотни школъ, руководимыхъ духовенствомъ, я знакомъ съ преподаваніемъ множества духовныхъ лицъ—и смѣло говорю, что изъ этого числа я не видѣлъ ни одной порядочной школы и такъ мало порядочныхъ педагоговъ, что о нихъ врядъ ли можно упоминать. А между тѣмъ я встрѣчалъ между ними порядочныхъ и почтенныхъ людей. Вина не въ лицахъ, а въ положеніи и въ обязанностяхъ цѣлаго сословія. Религіозное и нравственное воспитаніе народа гораздо существеннѣе зависитъ отъ вліянія духовенства на общество въ качествѣ служителей церкви, чѣмъ въ качествѣ школьныхъ учителей. Какъ проповѣдникъ и исповѣдникъ, священникъ невольно внѣдряется въ жизнь семьи при всѣхъ серьезныхъ актахъ ея: при рожденіи, болѣзни и смерти ея членовъ, при брачномъ торжествѣ, при всѣхъ ихъ радостяхъ, печаляхъ и затрудненіяхъ. Можно ли найти болѣе благопріятное условіе для нравственнаго воздѣйствія, какъ это постоянное вмѣшательство въ судьбу своей паствы, вмѣшательство не навязчивое, не насильственное, а всѣми признаваемое и желаемое, освѣщаемое божественнымъ авторитетомъ и привычками вѣковъ. Духовникъ—внутренній членъ семьи, часто тѣснѣе съ нею связанный, чѣмъ большинство ея кровныхъ членовъ; онъ напутствовалъ усопшаго дѣда, онъ креститъ и выдаетъ замужъ его внучку. Вся лѣтопись семьи въ его памяти; вся она записана и въ его церковной книгѣ. Онъ знакомъ съ характерами и событіями семьи на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія и въ самой потаенной ихъ глубинѣ. Онъ естественный совѣтникъ и наставникъ. И что же? Положивъ руку на сердце, скажемъ откровенно: много ли добра вноситъ русскій священникъ въ жизнь русскаго человѣка? Содѣйствуетъ ли онъ устраненію изъ общества его вредныхъ стремленій и привычекъ и насажденію въ немъ другихъ, болѣе нравственныхъ?

Отвѣтъ совершенно излишенъ въ виду твердо и повсемѣстно у насъ установившагося мнѣнія насчетъ этихъ вопросовъ.

Образованный классъ до того стоитъ выше духовенства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, что было бы жалкимъ лицемѣріемъ съ его стороны, еслибы онъ сталъ поучаться у него; а въ необразованной массѣ священникъ нерѣдко является грубымъ и корыстнымъ жрецомъ, превращающимъ высокія истины христіанства чуть не въ языческую обрядовую внѣшность.

Конечно, есть много причинъ, не зависящихъ отъ духовенства, которыя приводятъ дѣло къ такому печальному результату. Но, такъ или иначе, а наше духовенство все-таки оказывается совершенно не въ силахъ выполнить даже первостепенную задачу свою. Если оно несостоятельно до такой крайности въ своемъ главномъ призваніи, то какой же смыслъ обременять его новою, въ высшей степени трудною и важною обязанностью, требующею спеціальной подготовки и спеціальнаго посвященія себѣ? Не значитъ ли это,—переводя на чистосердечный языкъ замаскированныя фразы и позолоченныя тенденціи,—желать, чтобъ и образованіе такъ же мало привилось къ русскому народу, какъ мало привилось къ нему религіозно-нравственное воспитаніе? Значитъ, наше офиціальное уваженіе къ наукѣ и образованію, наши разглагольствованія о ихъ необходимости для общественнаго блага, нашъ мудрый народный афоризмъ: «ученье свѣтъ—неученье тьма»,—все это пустой звонъ, подъ которымъ, единственно изъ приличія, скрывается глубокое недовѣріе къ этому опасному понятію.

Значитъ, на дѣлѣ мы убѣждены, что ясность разума приводитъ къ разврату, а что суевѣріе и невѣжество—лучшія опоры нравственности. Но часъ этихъ пресмыкающихся доктринъ пробилъ слишкомъ давно, чтобъ они еще могли выдерживать свѣтъ солнца; достаточно просто обнаружить ихъ, чтобъ они растаяли, яко воскъ отъ лица огня.

Европа и Америка всею своею исторіею побѣдоносно засвидѣтельствовали, что уваженіе законовъ и человѣка, трудолюбіе, нравственность, даже военная дисциплина и военная доблесть, не говоря уже о матеріальномъ благосостояніи,—выиграли отъ свѣта науки болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ причинъ.

Дѣйствительно человѣческая, дѣйствительно христіанская жизнь, гдѣ наиболѣе обезпечены всѣ интересы, и всякій пользуется наибольшею долею свободы, оказалась возможною только въ обществахъ, просвѣщенныхъ наукою, такъ что христіанство стало почти синонимомъ цивилизаціи и образованія.

Уяснивъ читателю точку своего отправленія, обратимся къ нѣсколькимъ, близко извѣстнымъ намъ, фактамъ изъ исторіи современнаго образованія, въ которыхъ выражаются, по нашему мнѣнію, тѣ ошибочныя и пагубныя стремленія, о которыхъ мы сейчасъ разсуждали.

Уже само наше *Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ*, 14 іюля 1864 года, носитъ на себѣ слѣды своего не педагогическаго происхожденія. Законъ этотъ не есть созданіе одного опредѣленнаго взгляда, послѣдовательно проведеннаго сквозь всѣ подробности. Нѣтъ, это равнодѣйствующая многихъ разнородныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, съ разными цѣлями и съ различною напряженностью. Характеръ вынужденнаго компромисса, старанье удовлетворить заразъ нѣсколькимъ интересамъ, иногда взаимно исключающимъ другъ друга,—видны въ каждой статьѣ. Вина въ этой мозаичности, лишенной оживляющаго единства, въ этихъ робкихъ полумѣрахъ, дѣлающихъ то шагъ впередъ, то два назадъ, въ этомъ вынужденномъ маскированіи тенденцій,—словомъ, въ этой несостоятельности учебнаго положенія 1864 года,—лежитъ, вѣроятно, не въ добромъ намѣреніи составителей, а въ печальныхъ обстоятельствахъ времени, вліявшихъ на составленіе закона.

Укажемъ нѣкоторые примѣры этой несостоятельности: въ законоположеніи 1864 года очевидно, напр., желаніе предоставить мѣстнымъ силамъ участіе въ мѣстномъ образованіи, но это желаніе страннымъ образомъ поставлено рядомъ съ совершеннымъ недовѣріемъ къ этимъ же самымъ силамъ.

На одного члена мѣстнаго педагогическаго общества дается, по меньшей мѣрѣ, два чиновника. Исправники нерѣдко дѣлаются предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ, и вообще все дѣло какъ бы отдается подъ надзоръ свѣтской и духовной полиціи.

Съ одной стороны, училищнымъ совѣтамъ предоставлено вторгаться съ своимъ контролемъ и въ область министерства народнаго просвѣщенія, и въ школы духовенства, съ другой стороны, священникъ ставится въ исключительное и очень щекотливое право наблюденія надъ направленіемъ школъ, а архіерей является главнымъ руководителемъ народнаго образованія въ губерніи. А между тѣмъ само Положеніе было вызвано именно всеобщимъ гласнымъ признаніемъ несостоятельности духовенства вести дѣло народнаго образованія.

Великія общественныя реформы настоящаго царствованія встрѣ-

тились лицомъ къ лицу съ невѣжествомъ общества, и руководители общества убѣдились, что самыя благодѣтельныя реформы не приведутъ къ добру, если народъ останется въ крѣпости у собственнаго своего невѣжества, если разумъ его не будетъ освобожденъ отъ старой тьмы.

Положеніе 1864 года должно было послужить основною мѣрою къ этому просвѣтленію народнаго разума посредствомъ школы, а между тѣмъ въ программѣ начальныхъ школъ, составляющей сущность этого Положенія, видно стремленіе оковать мысль простолюдина именно въ тѣхъ формахъ и на той ступени развитія, которыми она обладала до вліянія школы. Запрещеніе развивать разсудочныя способности едва не пропечатано всѣми буквами. Умѣнье читать, писать и производить четыре дѣйствія надъ числами—вотъ ясно опредѣленная цѣль школы, не говоря о преподаваніи закона божія. Простой человѣкъ долженъ овладѣть читальнымъ, писальнымъ и считальнымъ инструментомъ, какъ онъ владѣетъ уже грубѣйшими инструментами земледѣлія и плотничества. Четыре дѣйствія удобнѣе бирокъ; умѣнье подписывать свою фамилію проще, чѣмъ передача ладони другому, грамотному лицу; самому прочесть письмо можно скорѣе, чѣмъ отвозить его къ дьячку въ сосѣднее село. Все это несомнѣнно, и, конечно, нельзя не радоваться, когда вмѣсто топтанія хлѣба лошадьми мужикъ начинаетъ молотить его цѣпами.

Но всѣ эти техническія облегченія далеко еще не составляютъ суть дѣла. Просвѣтить понятія невѣжды, дать ему нѣкоторыя основныя свѣдѣнія объ обществѣ, котораго онъ членъ, о землѣ, на которой живетъ онъ, о природѣ, отъ которой зависитъ вся его жизнь,—вотъ что можетъ быть единственною серьезною цѣлью образованія *).

*) Редакція не можетъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ почтеннаго автора и даже беретъ на себя смѣлость думать, что, очерчивая столь тѣсную программу образованія, онъ противорѣчитъ всему тому, что съ такою энергіею высказано имъ выше. Мы не можемъ признать, что *единственною серьезною цѣлью образованія* можетъ быть только строгое выполненіе этой программы, и всею силою убѣжденія стоимъ за то, что школа, и преимущественно народная школа, не должна быть лишена нравственно-воспитательнаго характера, который мы понимаемъ въ смыслѣ пробужденія и развитія въ ученикахъ школы нравственнаго сознанія. Если духовенство не умѣло и не хотѣло возвыситься до того, чтобъ и съ каѳедры, и въ столкновеніяхъ повседневной жизни стать учителемъ народа,—чтобъ отучить его всюду искать и бояться злаго, грознокарающаго Бога и научить молиться единому Богу любви и истины,—чтобы во всемъ благодатномъ свѣтѣ выставить передъ нимъ, какъ чистый, нравственно-жиз-

Просвѣщенный человѣкъ и въ техническихъ вопросахъ самъ собою предпочтетъ удобное неудобному, лучшее худшему, вѣрнѣйшее невѣрному. Опасенія программы, чтобъ у простолюдина какъ-нибудь не зашевелилась мысль, доходятъ до того, что даже въ тѣсномъ предѣлѣ передачи механическихъ пріемовъ устранены единственные пути, выработанные новою педагогіею, способные развивать соображеніе учениковъ.

Напримѣръ, нелѣпая нумераціонная система, съ размѣщеніемъ живыхъ выкладокъ въ отдѣльные четыре ящичка теоретическихъ

ненный идеалъ, великаго Учителя,—то гдѣ же искать народу свѣта и спасенія?... Въ семьѣ? Но если семья, за рѣдкими исключеніями, не въ состояніи дать ребенку ничего, кромѣ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, ничего, кромѣ тяжелаго физическаго труда, да холода и голода, которые грызутъ его чуть-ли не съ пеленокъ? Куда же остается идти народу, что дѣлать ему? Или носитъ въ крѣпостной зависимости у тьмы невѣжества, или, если пробудится въ комъ-нибудь пытливый, неуспокоивающійся духъ, бѣжать искать истины и успокоенія у скопцовъ, у духоборцевъ, въ извращенныхъ толкованіяхъ того самаго ученія, которое, еслибы только онъ могъ знать его, одно освѣтило бы ему жизненный путь и дало бы ту живую силу, что массы людей можетъ двигать на великіе подвиги во имя жизненной правды и равенства... Но кто-же научитъ его? Не духовенство, потому что на него мало надеждъ и впереди, не семья, потому что такая семья, которая могла бы сдѣлать это, еще далеко въ грядущемъ, въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя пройдутъ школу образованія и будутъ воспитаны ею. Итакъ, только школа, и только одна она, можетъ и должна имѣть нравственно-воспитательное значеніе, только одна она, при настоящихъ условіяхъ нашей народной жизни, можетъ воспитать будущихъ отцовъ, будущую семью и все будущее народа. Конечно, образовательныя силы школы должны быть чужды всякой мертвенной схоластики,—но такъ и нужно приготовить эти силы, чтобы въ нихъ самихъ было глубокое нравственное сознаніе. Такія силы явились бы у насъ,—только нужно звать ихъ, а не отталкивать, выводить ихъ на свѣтъ божій, а не зарывать въ землю. Мало ли даромъ растрачивается ихъ, мало ли сбивается съ прямого пути, мало ли безплодно погибаетъ, потому что нѣтъ имъ выхода, нѣтъ поддержки и нѣтъ свободы... Кто ихъ видитъ? Во тьмѣ бродятъ онѣ, во тьмѣ борятся и тихо погибаютъ, никѣмъ незримыя и никому ненужныя... Ихъ ли будемъ мы обвинять за это, когда онѣ—плоть и кровь наша, наше достояніе. Много жертвъ надо,—пусть бы такъ, только бы новыхъ жертвъ не было. А будутъ и новыя, будутъ, потому что до сихъ поръ продолжаемъ мы негодными сѣменами засѣвать свои тучныя поля...

Наши замѣчанія довольно уже длинны, и потому мы считаемъ нужнымъ остановиться, тѣмъ болѣе, что «Бесѣда» уже не разъ высказывалась по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Скажемъ только въ заключеніе, что школы, какъ бы ни было это трудно, устроить можно, можно и дать имъ нравственно-воспитательное направленіе,—создать же искусственно, прежде школы, истинное духовенство, истинную семью, на которую возлагаютъ многіе столько надеждъ,—нѣтъ возможности. *Ред.*

дѣйствій,—оставлена тамъ послѣ того, какъ педагогическая практика доказала несравненное превосходство для развитія ума живой и естественной методы изученія чиселъ (такъ-называемой методы Груббе). *Чтеніе книгъ гражданской и церковной печати* въ одной рубрикѣ, чистописаніе въ другой—вотъ чѣмъ замѣняетъ программа тѣ развивающіе методы живаго изученія роднаго языка, безъ которыхъ теперь не мыслима ни семья, ни школа, и съ которыми успѣли познакомиться даже люди, не близкіе къ педагогіи, благодаря широкому распространенію трудовъ Ушинскаго, барона Корфа и пр. Офиціальная программа народныхъ школъ игнорируетъ современныя явленія педагогіи, словно они не вполнѣ для нея солидны и благопристойны.

Дѣйствительно, нельзя не признать большой солидности въ этой классической привязанности къ отпѣтымъ системамъ за то только, что онѣ принадлежатъ не живому, а мертвому; но, во всякомъ случаѣ, эта солидность достойна лучшей цѣли. Пора бы ужь и перестать надувать самихъ себя игрою въ разные лже-охранительные элементы,—учебники считать почтенными только тогда, когда по нимъ учились наши бабушки, методу считать основательною только послѣ того, какъ цѣлыя поколѣнія убѣдились въ ея негодности. Напрасно бы стали намъ доказывать, что программа не указываетъ методовъ, а только объемъ и цѣль преподаванія. Всякій поймете, что съ чтенія церковныхъ книгъ невозможно начинать живое и осмысленное изученіе языка; эта «*церковная печать*» посажена съ явнымъ намѣреніемъ задержать съ перваго же шага безпокойныя эволюціи «лженепнаго разума», котораго новая педагогія заставляетъ упражнять свои дѣтскія силы не надъ «Фараоне мысленный, колесницъ израильскихъ гонителю презрядный», а надъ понятными и любопытными явленіями окружающей жизни. Если во многихъ народныхъ школахъ вводятся хорошіе учебники и методы, то это есть отступленіе отъ офиціальныхъ требованій и дѣлается въ ущербъ имъ.

Можетъ-быть, это и дало поводъ церковному Александроневскому братству Т—й губерніи хлопотать о сосредоточеніи въ своихъ рукахъ учебниковъ для раздачи народнымъ школамъ. Предсѣдательство архіерея въ губ. училищномъ совѣтѣ и попечительство надъ школами благочинныхъ и мѣстныхъ священниковъ вполнѣ соотвѣтствуютъ офиціальнымъ педагогическимъ требованіямъ. Читатели помнятъ, вѣроятно, остроумный планъ министерства народнаго просвѣщенія, приводящійся теперь въ исполненіе.

За неимѣніемъ до сего времени въ нашемъ отечествѣ учительскихъ семинарій, духовныя семинаріи предназначены снабжать учителями наши свѣтскія школы; каждый студентъ семинаріи, прежде рукоположенія его въ санъ священника, обязанъ прослужить нѣсколько лѣтъ школьнымъ учителемъ. Такимъ образомъ, преданія и цѣли бурсъ могутъ быть надежно упрочены въ нашемъ отечествѣ, и часословъ безъ труда, пожалуй, вытѣснитъ «Родное слово» Ушинскаго. Мы уже говорили о невозможности священнику стать полезнымъ учителемъ, но еслибы даже разсужденія наши были недостаточны, то одинъ фактъ повальнаго недовѣрія самихъ крестьянъ къ учителямъ-священникамъ долженъ прекратить всякое сомнѣніе. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр. въ Т—ой, во множествѣ мѣстностей введено новое положеніе о духовенствѣ, по которому мѣстный священникъ получаетъ вмѣсто платы за требы 600 р. жалованья, съ обязанностью учить дѣтей за то же вознагражденіе. Насколько я знаю, священники положительно отказываются отъ этой послѣдней обязанности, а крестьяне, естественно, весьма недовольны тѣмъ, что, выдавая попу большое жалованіе, принуждены нанимать въ школу особаго учителя. Архіерей, разумѣется, приказываютъ, требуютъ, и иногда священникъ офиціально зачисляется учителемъ; но, при его совершенномъ нежеланіи и совершенной невозможности вести дѣло, оно кончается ничѣмъ.

Порученіе архіереямъ главнаго руководства школами мало практично. Архіерей — санъ до того высокій, что ему рѣшительно нѣтъ никакихъ способовъ знакомиться съ состояніемъ школъ. О выѣздѣ преосвященнаго изъ губернскаго города оповѣщается за цѣлый мѣсяцъ, вездѣ его ждутъ народныя встрѣчи, множество посторонннихъ лицъ. Далеко не всегда у него найдется нѣсколько времени, чтобы просто заглянуть въ школу и благословить дѣтей, которыя его ждутъ, конечно, подготовленныя къ такому случаю; если они проноютъ какъ-нибудь, подъ руководствомъ наставника, скажутъ на зубокъ 1—2 молитвы, то больше этого нельзя и требовать. Всякая торжественность и офиціальность запугиваютъ простую жизнь крестьянской школы и вгоняютъ ее въ раковину, гдѣ уже ее не разглядишь.

Стремленіе передать народное образованіе въ руки духовенства видно еще въ томъ, что воскресныя школы, т. е. единственныя школы для образованія взрослыхъ простолюдиновъ, стали теперь открывать исключительно при семинаріяхъ и брат-

ствахъ. Собственно говоря, законъ 1864 г. разрѣшаетъ открытіе воскресныхъ школъ всѣмъ желающимъ, съ извѣстными гарантіями, но офиціальныя лица повели дѣло такъ систематически, что въ обществѣ до сихъ поръ вкоренено убѣжденіе, что открытіе воскресныхъ школъ запрещается. До какой степени мы мало знакомы съ своими правами и добровольно лишаемъ себя даже того, что предоставляетъ намъ законъ, можетъ показать слѣдующій курьезный случай, мнѣ хорошо извѣстный. Въ концѣ 1868 года въ г. С. одна образованная дама, узнавъ отъ мѣстнаго директора, что законъ предоставляетъ право открывать воскресныя школы съ разрѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта, потребовала этого разрѣшенія. Штатный смотритель, завѣдывавшій дѣлами совѣта, обратился къ директору за разъясненіемъ своего сомнѣнія: имѣетъ ли право училищный совѣтъ давать разрѣшеніе на открытіе воскресной школы? Когда директоръ указалъ ему въ высочайше утвержденномъ Положеніи, которымъ постоянно руководствуются совѣты, статью, гдѣ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ это право дается училищнымъ совѣтамъ, то разрѣшеніе г-жѣ П. было выдано. Школа еще не была открыта, а уже встревожились всѣ власти. Начальникъ губерніи конфиденціально объявилъ г-жѣ П., что онъ будетъ вынужденъ закрыть школу, *ибо воскресныя школы* запрещены. Штатный смотритель былъ потребованъ къ преосвященнѣйшему и получилъ выговоръ за то, что онъ выдалъ незаконное разрѣшеніе. Напрасно г-жа П. ссылалась на авторитетъ директора и на статью Положенія и требовала, чтобъ ей показали законъ, запрещающій открытіе воскресныхъ школъ. Напрасно и директоръ доказывалъ преосвященному, что органическій законъ 1864 года отмѣняетъ предшествовавшія распоряженія администраціи, вызванныя временною необходимостью. Донесено было въ высшія инстанціи. Преосвященный прислалъ присылки указовъ, запрещающихъ воскресныя школы, такъ какъ указовъ этихъ не оказалось въ консисторіи.

Вскорѣ директоръ получилъ конфиденціально строгій запросъ: правда ли, что онъ позволилъ себѣ открыть воскресную школу, и если правда, то на какомъ основаніи? Такой же запросъ переданъ ему лично черезъ присланнаго чиновника окружнаго управленія.

На всѣ эти угрожающіе вопросы и предостереженія директору приходилось отвѣчать устно и письменно одно простое сло-

во, чтобы вопросы и угрозы прекратились сами собою: да, правда, на основаніи такой то статьи высочайше утвержденнаго Положенія. И къ кому же приходилось обращаться съ такимъ отвѣтомъ? Къ предсѣдателю губ. училищнаго совѣта, къ члену губ. училищнаго совѣта, къ учебному управленію округа, ко всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя должны быть наиболѣе компетентными въ дѣлѣ учебнаго законодательства.

Но если открытіе воскресной школы, при содѣйствіи мѣстнаго директора училищъ, могло поднять такую бурю, то читатель можетъ судить, возможно ли на практикѣ открытіе воскресныхъ школъ частными лицами.

Вообще желаніе подчинить дѣло обученія сторонпимъ соображеніямъ гораздо болѣе проявляется въ частныхъ распоряженіяхъ, въ ежедневной практикѣ административныхъ лицъ, потому что государственное законоположеніе не всегда зависитъ отъ временнаго характера одного управленія.

Я приведу въ доказательство нѣкоторые типическіе случаи. Въ 1868 г. возникъ планъ учредить педагогическіе курсы для народныхъ учителей на мѣстныя средства при приготовительномъ классѣ с—ской гимназіи. Директоръ представилъ на офиціальное разрѣшеніе проектъ, который былъ разсчитанъ на ограниченность средствъ и на насущность потребностей, чѣмъ и отличался отъ тѣхъ всесторонпихъ кабинетныхъ проектовъ, которые присылаются изъ Петербурга и требуютъ всегда вмѣсто 1.000 руб. 10.000.

Предполагалось, что въ педагогическіе курсы будутъ поступать мальчики, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ или выдержавшіе соотвѣтствующій экзаменъ. Стало-быть, воспитанники курса явятся уже съ знаніемъ *пространнаго катехизиса, всей священной исторіи* и *объясненія богослуженія*. Цѣль курсовъ—приготовить народныхъ учителей. Народнымъ же учителемъ, по Положенію 1864 г., можетъ быть всякій окончившій курсъ приходскаго училища, т. е. знающій *начатки православнаго христіанскаго ученія и краткую священную исторію*. Ясно, что замышлявшіеся педагогическіе курсы и безъ новыхъ усилій доставили бы школамъ учителей, во всякомъ случаѣ несравненно болѣе подготовленныхъ въ законѣ божіемъ, чѣмъ требуетъ Положеніе; но, изъ практическихъ соображеній, составителями программы найдено было необходимымъ сохранить рубрику закона божія для педагогическихъ курсовъ, хотя изъ остальныхъ предметовъ предположены были къ преподаванію

только тѣ очень немногіе предметы, которые будущему учителю дѣйствительно придется преподавать, и въ преподаваніи которыхъ, стало-быть, онъ долженъ пріобрѣсть особенную опытность. Законъ же божій самимъ положеніемъ запрещается преподавать народному учителю, если онъ не священникъ.

Составители программы помѣстили подъ рубрикой зак. божія чтеніе въ подлинникахъ съ русскимъ переводомъ избранныхъ книгъ священнаго писанія. Казалось бы, что близкое знакомство будущаго учителя съ Евангеліемъ ни съ какой точки зрѣнія не можетъ представиться безполезнымъ или опаснымъ. Однако, несмотря на это, директоръ, представившій программу, получилъ офиціально строгій выговоръ, которымъ ему внушалась необходимость религіознаго направленія и онъ обвинялся чуть не въ безбожіи.

Почти въ то же время, тѣмъ же директоромъ, въ то же управленіе, была представлена программа приготовительнаго класса при с—ской гимназіи, въ двухъ отдѣленіяхъ, содержаніе котораго также было разсчитано не на казенныя, а на мѣстныя средства. Основаніе такого класса было вызвано крайнею неподготовкою дѣтей, поступающихъ въ первый классъ гимназіи.

Родители громко вопіяли на отсутствіе средствъ къ подготовкѣ, учителя еще громче—на отсутствіе возможности выполнять требованіе гимназической программы съ безграмотными и неразвитыми мальчиками. Населеніе г. С. представляетъ собою пеструю смѣсь русскихъ, евревъ, грековъ, караимовъ, армянъ, татаръ, нѣмцевъ и пр. Дѣти иновѣрцевъ начинаютъ слышать русскую рѣчь довольно поздно, и для нихъ-то приготовительный классъ является сущимъ кладомъ. Оказалось необходимымъ раздѣлить его на два отдѣленія, именно съ тою цѣлью, чтобы въ младшемъ обращать почти исключительное вниманіе на практическое ознакомленіе иновѣрцевъ съ русскою рѣчью по способу наглядnаго обученія. Въ старшемъ отдѣленіи образовательныя занятія дѣлались серьезнѣе и выполнялась несложная программа вступительныхъ экзаменовъ. По закону божію поступающій въ гимназію долженъ знать только *главныя молитвы*. Между тѣмъ въ старшемъ приготовительномъ классѣ, кромѣ этихъ обязательныхъ молитвъ, дѣти знакомились еще по раскрашеннымъ картинамъ съ разсказами о важнѣйшихъ событіяхъ священной исторіи. При такомъ низкомъ уровнѣ требованій по закону божію, понятно, что уже никакого закона божія нельзя

было преподавать въ младшемъ отдѣленіи приготовительнаго класса, *устроеннаго главнымъ образомъ для иновѣрцевъ*. Поэтому въ программѣ младшаго отдѣленія закона божія и не было положено. За это *пренебреженіе религіознымъ воспитаніемъ* ввѣреннаго ему юношества директоръ получилъ новый, еще болѣе рѣзкій выговоръ. Педагогическія соображенія, очевидно, требовалось приносить въ закланіе фарисейскимъ.

Результатомъ такихъ дѣйствій былъ отказъ земства отъ содержанія педагогическихъ курсовъ въ иномъ, навязываемомъ имъ видѣ и скорое разрушеніе правильно устроенной и хорошо снабженной школы нагляднаго обученія, которая могла сдѣлаться для края разсадникомъ новыхъ педагогическихъ методовъ.

Привожу эти характерные случаи именно потому, что они представляютъ нитку изъ цѣлой ткани притворства и самообольщенія, которыми думаютъ привести наши школы къ религіозно-нравственному направленію.

Слѣдующій фактъ рельефно выставляетъ намъ взглядъ офиціальныхъ руководителей народнаго образованія на развитіе религіозно-нравственнаго направленія въ школахъ. Директоръ т— скихъ училищъ, послѣ осмотра б—скаго уѣзднаго училища, собралъ педагогическій совѣтъ этого училища, чтобы, съ одной стороны, передать ему свои замѣчанія и распоряженія, съ другой—дать возможность каждому члену училища высказаться и посовѣтоваться о потребностяхъ училища. Приглашенъ былъ и почетный блюститель приходскихъ классовъ—мѣстный житель изъ говоруновъ, не жертвующій ничѣмъ матеріальнымъ въ пользу классовъ, какъ это дѣлаютъ другіе блюстители, но не менѣе другихъ желавшій выставить передъ учебнымъ начальствомъ свою заботливость въ такихъ экстренныхъ случаяхъ, какъ пріѣздъ директора. На совѣтѣ этотъ блюститель, обыкновенно ничего не знавшій объ училищѣ, но чуявшій духъ офиціальной педагогіи, предложилъ слѣдующія двѣ мѣры *для возвышенія нравственнаго уровня учениковъ*: объясненіе воскреснаго Евангелія въ субботу и хожденіе въ церковь всѣмъ училищемъ подъ надзоромъ учителей. Предложеніе это было обсуждаемо на совѣтѣ въ присутствіи директора. Какъ разъ передъ тѣмъ весь совѣтъ приходилъ въ отчаяніе отъ безсилія училищныхъ мѣръ къ правильному посѣщенію классовъ учениками, родители которыхъ въ этомъ портовомъ городѣ—люди большею частію торговые и промышленные; они то и дѣло задерживаютъ дѣтей для

ссынки хлѣба на корабли и пріема его и не хотятъ знать требованій учебнаго начальства. Если они не хотятъ помогать ему даже въ дѣлѣ обученія, то понятно, какъ мало они будутъ склонны посылать отъ себя дѣтей по праздникамъ. Большинство изъ нихъ привыкли посѣщать свои собственныя приходскія церкви въ сообществѣ семьи и нисколько не разсчитываютъ на религіозное воспитаніе своихъ дѣтей штатнымъ смотрителемъ. Сверхъ того, грязь въ г. Б. почти весь учебный годъ до такой степени постоянна и безвыходна, что заставлять бѣдныхъ мальчишекъ странствовать отъ своихъ приходскихъ церквей въ училище, а оттуда въ соборъ—было бы безжалостно. Училище не пансіонъ и даже не гимназія, въ которой могутъ оказаться дѣти иногородные, живущіе безъ родительскаго призора. Ученики уѣзднаго училища почти всѣ безъ исключенія мѣстные жители, члены семействъ. Съ другой стороны, было бы еще безжалостнѣе отрывать послѣдніе свободные часы у тружениковъ — учителей, которые возятся шесть дней въ недѣлю съ толпою невоспитанныхъ мальчиковъ за 294 руб. сер. годовой платы. Всѣ эти соображенія были высказаны единодушно членами совѣта, не исключая протоіерея, и записаны въ протоколъ, какъ поводъ къ непринятію мѣры, предложенной блюстителемъ; что до объясненій Евангелія, то законоучитель охотно вызвался принять ихъ на себя въ концѣ субботнихъ классовъ.

Директоръ ничего не возразилъ противъ рѣшенія совѣта, какъ вполнѣ искренняго и разумнаго, и протоколъ въ числѣ другихъ былъ представленъ въ округъ для помѣщенія въ циркулярѣ.

Затѣмъ... директоръ получилъ строгій выговоръ за допущеніе подобнаго безнравственнаго постановленія, а вмѣстѣ съ симъ было предписано установить *обязательное посѣщеніе церкви учениками всѣхъ уѣздныхъ училищъ подъ надзоромъ штатнаго смотрителя и учителей*.

Циркуляры были разосланы и приняты къ исполненію.

Но, разумѣется, штатные смотрители попробовали съ новинки раза два погонять учениковъ, а затѣмъ предоставили все волѣ божіей, донося акуратно о точномъ исполненіи циркуляра. Однако черезъ такія выходки фарисейская струйка все сильнѣе просачивается въ чистое поле педагогіи. Впрочемъ, уѣзднымъ училищамъ нечего было пенять, потому что обязательное хожденіе въ церковь установлено было не только во всѣхъ гимназіяхъ, но и въ университетѣ. Одинъ изъ представителей учебнаго управленія раз-

сказывалъ въ с—ской гимназіи публично и съ явною похвальбою о томъ, какъ *онъ выгналъ студента изъ университета за то*, что мать его не соглашалась отпускать его въ *университетскую церковь*. Ученики обѣихъ гимназій огромнаго университетскаго города, также славящагося непроходимою грязью и опасными вѣтрами, принуждены теперь собираться изъ всѣхъ концовъ въ свои гимназіи за часъ до начала всенощной и литургіи въ праздничные дни и ихъ кануны за тѣмъ, чтобы подъ предводительствомъ своего начальства колоннею идти въ университетскую церковь. Строгія переклички, аресты въ карцерѣ, исключенія изъ заведеній—все это примѣняется весьма дѣятельно къ нарушителямъ этихъ распоряженій. Въ рай хотятъ вгонять людей лозою!

С—скую гимназію, не имѣвшую пансіона и имѣвшую крайне бѣдныя средства, сильно подорвали, устроивъ въ ней, вопреки протестамъ педагогическаго совѣта, домашнюю церковь, на содержаніе которой потребовались спеціальныя суммы заведенія, единственно серьезный источникъ для пріобрѣтенія педагогическихъ пособій. А между тѣмъ значительная часть учениковъ этой гимназіи—иновѣрцы.

Механическими мѣрами можно дрессировать животныхъ, но нельзя развить того нѣжнаго, искренняго чувства, которое мы называемъ религіозно-нравственнымъ.

Врядъ ли нужно останавливаться на томъ вредѣ, который вноситъ въ впечатлительную душу ребенка всякое насиліе въ дѣлѣ религіи. Пусть читатель припомнитъ только свои дѣтскія ощущенія, когда школьникомъ его гоняли отстаивать всенощныя въ толпѣ маршрирующихъ товарищей? Какое-то тупое уныніе, какая-то горькая злоба на всѣхъ, какое то органическое отвращеніе отъ всѣхъ признаковъ обязательной молитвы—вотъ обычные плоды этой безразсудной мѣры. Самыя порочныя шалости рождаются въ минуты принужденнаго благоговѣнія; преклоняя колѣна, дѣлая крестное знаменіе,—ребенокъ нагло лицемѣритъ: онъ знаетъ, что за нимъ слѣдятъ, и ему нужно прикрыть чѣмъ-нибудь свою болтовню или ссору съ сосѣдомъ. Такъ же губительно дѣйствуетъ на религіозное чувство ставленіе балловъ изъ закона божія и наказанье за эти баллы. Я зналъ очень религіознаго и довольно взрослаго юношу, который получилъ отвращеніе къ Евангелію послѣ того, какъ ему нѣсколько разъ пришлось отвѣчать за дурныя отмѣтки изъ закона божія, именно по объясненію отрывковъ Евангелія. Многіе разумные священники не разъ возставали печатно противъ этого

опошленія религіи, противъ оцѣнки благочестія по экзаменамъ и билетамъ. Но взгляды этихъ почтенныхъ законоучителей всегда встрѣчали рѣзкое порицаніе. Такъ, напримѣръ, встрѣчены были честныя попытки законоучителя х—ской гимназіи священника В. и ст—ской гимназіи священника С. Ни одно общество не отличается такимъ искреннимъ и дѣятельнымъ благочестіемъ, какъ американское. А между тѣмъ именно въ Америкѣ почти нѣтъ конфессіональныхъ школъ, а почти во всѣхъ школахъ принято за правило предоставлять заботы религіознаго воспитанія дѣтей духовникамъ и родителямъ.

Юношество не станетъ религіознымъ отъ того, что учебное начальство начнетъ креститься чаще и кланяться ниже; юношество знаетъ истинный характеръ жизни своихъ руководителей лучше, чѣмъ предполагаютъ эти послѣдніе; только дѣйствительно нравственный человѣкъ произведетъ на дѣтей дѣйствительно нравственное вліяніе; педагоги-фарисеи способны научить только собственному своему искусству—лицемѣрію.

Одинъ изъ бѣдныхъ уѣздныхъ учителей Т—ской губерніи, возвращаясь на пароходѣ изъ О., разговорился съ камердинеромъ своего новаго начальника, ѣхавшаго на томъ же пароходѣ. Больше всего любопытство учителя было затронуто тѣмъ обстоятельствомъ, что новый начальникъ оказался чрезвычайно богомольнымъ: *Онъ говѣлъ въ университетской церкви два раза въ теченіи поста.*

— Вашъ баринъ должно-быть очень богомоленъ? спросилъ учитель лакея. — Когда вы жили въ деревнѣ, небойсь онъ часто ходилъ въ церковь?

— Какой часто! Разъ въ годъ—не больше.

— Да развѣ церковь была далеко?

— Ничего не далеко, въ своемъ селѣ, равнодушно объяснилъ неполитичный лакей.

Это комичное признаніе стало быстро извѣстнымъ именно въ томъ мірѣ, для назиданья котораго предпринималось сугубое говѣнье. Читатель самъ оцѣнитъ выгоду подобныхъ назиданій.

Примѣръ дѣйствительно скоро нашелъ подражателей. Директоръ к—ской гимназіи, человѣкъ молодой и отличавшійся прежде педагогическимъ рвеніемъ въ иномъ духѣ, въ первой же своей актовой рѣчи весьма искусно для своихъ лѣтъ поддѣлался подъ лицемѣрно-умиленный тонъ своего начальника.

Директоръ другой гимназіи края въ отчетѣ своемъ, напеча-

таномъ въ офиціальномъ циркулярѣ, счелъ нужнымъ донести новому начальству о томъ, *что онъ съ умиленіемъ слушалъ* въ классѣ толкованіе законоучителя, въ особенности же удивительно-популярное объясненіе того, что Божію матерь надобно просить, какъ маменьку, ласкаясь, цѣлуя и пр.

Директоръ одной изъ о—скихъ гимназій пошелъ еще дальше: онъ предложилъ педагогическому совѣту въ *теченіи великаго поста освобождать учениковъ гимназіи на одинъ урокъ ежедневно, дабы не лишить ихъ возможности посѣщать церковныя службы.*

Одинъ остроумный педагогъ, учитель Н., простеръ свое дипломатическое сочувствіе къ мнѣнію директора до того, что предложилъ распространить ту же мѣру и на всѣ постные дни года. Мѣра не прошла, только благодаря находчивости Н.

Случай этотъ невольно напоминаетъ намъ недавно обнародованный въ офиціальномъ педагогическомъ изданіи курьезный фактъ изъ жизни другого учебнаго округа, менѣе близкаго къ Европѣ. Въ гимназіи той отдаленной губерніи, которой административные порядки, обнаруженные ревизіей, ужаснули въ послѣднее время нашу публику, директоръ, *прослужившій уже 24 года*, почувствовалъ вдругъ на закатѣ своего служебнаго поприща потребность устроить «*братство*» *при домовой гимназической церкви* для разныхъ цѣлей, но прежде всего «*для поддержанія благольпія въ церкви*», которая, впрочемъ, по словамъ самого же устроителя, «*не нуждается въ благольпіи*». Съ цѣлію посѣять въ нашемъ юношествѣ религіозно-нравственныя сѣмена, не упускаются и другія мѣры, уносящія иногда воспоминаніе ко времени Магницкаго.

Въ томъ округѣ, котораго дѣла мнѣ близко извѣстны, сдѣлано циркулярное распоряженіе объ *обязательной выпискѣ* на счетъ спеціальныхъ средствъ уѣздныхъ училищъ и гимназій журнала кіевской духовной академіи «*Воскреснаго чтенія*». Циркулярно же предложено о выпискѣ въ училище и гимназію *Православн. Собесѣдника* и др. книгъ подобнаго рода. Въ то же время наши уѣздныя училища лишены средствъ для снабженія себя необходимѣйшими научными пособіями; въ то же время циркулярными распоряженіями тѣхъ же лицъ изгнаны изъ числа учебныхъ пособій, даже изъ ученическихъ библіотекъ, сочиненія писателей, которыхъ отечество справедливо считаетъ своими учителями и украшеніемъ своей литературы. Я не могу

привести на намять весь этотъ index librorum prohibitorum, столбцы котораго пополняются каждымъ циркуляромъ; достаточно сказать, что Бѣлинскій, отецъ русской критики и русской общественной мысли,—человѣкъ, котораго возвышенно-идеальное настроеніе, кажется, избавлено отъ всякаго подозрѣнія,—отчисленъ руководителями русскаго просвѣщенія въ ряды отверженцевъ *). Не знаю уже, за что попали туда такіе невинные писатели, какъ М. Вовчокъ, или такіе невинные учебники, какъ *историческіе очерки Ютца?* Не знаю также, на какомъ основаніи изъ списка книгъ для ученической библіотеки, представленнаго директоромъ с—ской гимназіи, окружное управленіе вычеркнуло, *какъ несоотвѣтствующую потребностямъ юношей*, прекрасную, въ высшей степени воспитательную книгу Смайльса «*Самодѣятельность*»? Не говорю уже о такихъ книгахъ, какъ сочиненія Вундта, Добролюбова, народныя сказки Аѳанасьева, популярныя изданія г-жи Лихачевой и Суворинои и т. и. Даже серьезныя учебныя пособія, пользовавшіяся до сего времени уваженіемъ самой офиціальной педагогіи и не разъ рекомендованныя ею, напр., «Исторію среднихъ вѣковъ» Стасюлевича, по самому своему характеру историч. хрестоматіи чуждую всякой посторонней тенденціи, или «Всеобщ. исторію» кіевскаго профессора Шульгина, бывшую много лѣтъ учебникомъ въ гимназіяхъ,—запрещено теперь *давать въ руки ученикамъ*. Изученіе учениками училищъ и гимназій «*Воскреснаго Чтенія*» и «*Православнаго Собесѣдника*», можетъ-быть, должно замѣнить изученіе ими явленій природы, потому что въ то же самое время сдѣланы *распоряженія о сокращеніи преподаванія естеств. исторіи*. Общество города С—ст—ля рѣшилось пожертвовать значительными средствами, чтобъ обратить свое училище въ прогимназію, и съ этою цѣлью представило проектъ и программу, заимствованную изъ «Устава гимназій и прогимназій», высочайше утвержденнаго 19 ноября 1864 года. Учебное вѣдомство,

*) Здѣсь кстати разсказать переданный мнѣ изъ достовѣрнаго источника курьезъ, случившійся въ 1867 г., во время посѣщенія однимъ высшимъ начальникомъ р—скаго уѣзднаго училища. Смотритель этого училища, человѣкъ ревностный и другъ просвѣщенія, украсилъ «совѣтскую» комнату портретами русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Важный посѣтитель, увидѣвъ среди нихъ портретъ Бѣлинскаго, гнѣвно сбросилъ его рукою, присовокупивъ слѣдующую историческую (для будущей исторіи) фразу: «этого еще *шарлатана* зачѣмъ тутъ помѣстили!». .

долго продержавъ проектъ, возвратило его, вычеркнувъ изъ высочайше утвержденной программы естественную исторію, съ объясненіемъ, что *предполагаются измѣненія въ уставѣ, по которымъ естеств. исторія будетъ исключена* изъ программы гимназій. Такимъ образомъ, с—ская трехъ-класная прогимназія лишена была связи съ классами губернской гимназіи, и цѣль жертвователей—приготовлять своихъ дѣтей къ высшимъ классамъ губернской гимназіи въ своемъ собственномъ городѣ—не могла быть достигнута. Не касаюсь уже вопроса о томъ, насколько въ правѣ *предположенія одного вѣдомства самовольно отмѣнять органическіе законы государства, утвержденные высочайшею властію.*

Также точно преподаваніе естественной исторіи было вычеркнуто окружн. управленіемъ, уже безъ мотивированія, изъ программы частной женской школы дѣвицъ Ск—ли въ томъ же городѣ. Но еще замѣчательнѣе, что окружное управленіе сочло себя въ правѣ исключить собственною властію преподаваніе естеств. исторіи изъ с—ф—ской женской гимназіи, гдѣ оно велось нѣсколько лѣтъ, на основаніи высочайше утвержденнаго 10 мая 1860 г. Положенія. Когда попечительному совѣту жен. гимназіи предъявили распоряженіе окружнаго управленія, то совѣтъ, при всей скромности своей, рѣшился протестовать противъ произвольнаго нарушенія дарованнаго государемъ закона. Только послѣ особаго ходатайства предводителя дворянства, предсѣдавшаго въ совѣтѣ, окружное управленіе согласилось допустить сокращенное преподаваніе естеств. исторіи въ *тѣхъ классахъ, гдѣ оно уже началось*, и притомъ *не болѣе какъ на 1 годъ*. Нельзя не сознаться, что это плохой путь къ утвержденію въ нашемъ обществѣ *уваженія къ законамъ*, о которомъ столько теперь хлопочутъ. Забавно видѣть, что именно люди, заражающіе общество такою *вполнѣ нигилистическою* практикою, выдаютъ себя за присяжныхъ истребителей своего собственнаго принципа. Самовольное изгнаніе изъ женской гимназіи естеств. исторіи едва не повлекло за собою отнятіе земскаго пособія этому заведенію. Но и безъ прямыхъ распоряженій употребляются разныя средства для ослабленія преподаванія естеств. исторіи въ нашихъ гимназіяхъ *).

*) Настоящая статья была написана авторомъ еще до 1 іюня 1872 г., т. е. до утвержденія всѣмъ извѣстнаго «Устава гимназій и прогимназій», которымъ преподаваніе естественной исторіи, уже *по прямому распоряженію*, почти совершенно изгоняется изъ курса этихъ учебныхъ заведеній.

Ред.

Во 1-хъ, это единственный предметъ, *экзаменъ изъ котораго не производится при окончаніи курса и нисколько не вліяетъ на полученіе аттестата*. Во 2-хъ, начальствующія лица *намѣренно высказываютъ къ нему такое пренебреженіе*, такую враждебность, что и учитель, и ученики, и гимназическое начальство считаютъ себя какъ бы обязанными запустить этотъ предметъ. Одно изъ высшихъ лицъ учебнаго вѣдомства, войдя въ довольно изрядный естественно-историческій кабинетъ с—ской гимназіи, приноровленный къ потребностямъ прежней обширной программы естеств. исторіи, вскричало съ досаднымъ изумленіемъ, обращаясь къ гимназич. начальству: «*зачѣмъ это такой богатый кабинетъ*!» Тотъ же чиновникъ случайно вошелъ въ женской гимназіи того же города въ классъ естеств. исторіи, учитель которой, можетъ быть по случаю рѣдкаго посѣтителя, постарался особенно полно обставить свое преподаваніе разными пособіями для демонстрацій. Посѣтитель былъ просто ужаленъ неожиданнымъ видомъ анатомическихъ аппаратовъ и съ нескрываемымъ отвращеніемъ тотчасъ же удалился изъ класса, не сказавъ ни слова учителю. Впрочемъ, обыкновенно ни одинъ ревизоръ, ни одинъ начальникъ съ намѣренною систематичностію не заглядываютъ въ классы естеств. исторіи, какъ бы игнорируя существованіе этого опальнаго предмета: по за то они всегда посвящаютъ двойное вниманіе закону божію и латин. языку. Говорю это о гимназіяхъ, мнѣ извѣстныхъ. Также мало сочувствія въ офиціальномъ мірѣ возбуждаютъ пріемы наглядnаго обученія, этого педагогическаго корня естествознанія. Немногія школы наглядnаго обученія, начавшія было появляться въ С—ст—лѣ, О—сѣ, Х—ни, С—лѣ, почувствовали на себѣ враждебный взглядъ педагогической администраціи, и нѣкоторыя изъ нихъ закрылись. Наша частная педагогическая дѣятельность въ провинціяхъ до такой степени подчинена офиціальному вѣдомству, что существованіе заведеній съ характеромъ, не одобряемымъ этимъ вѣдомствомъ, дѣлается немыслимымъ.

Какой однако имѣется существенный поводъ къ изгнанію естеств. исторіи даже изъ такихъ заведеній, которыхъ не предполагаютъ обращать въ классическія, какъ, напр., изъ женскихъ гимназій. Въ 1867 г. въ г. Х—ни случайно я присутствовалъ при бесѣдѣ одного изъ истребителей естеств. исторіи съ начальницею мѣстной женской прогимназіи. Дама эта, какъ оказалось изъ того, что я слышалъ, отстаивала программу своего заведе-

нія отъ произвольнаго искаженія и, несмотря на свое зависимое положеніе, твердо и умно разбивала неосновательные доводы начальника, почему-то считавшаго приличнымъ о такомъ серьезномъ предметѣ говорить шутя и свысока съ женщиною, стоявшею во всякомъ случаѣ не ниже его въ отношеніи къ этому вопросу. Сконфуженный неожиданною для негостойкостію и логичностію своей подчиненной, педагогическій администраторъ выдвигалъ неувѣренною рукою обычные въ этомъ дѣлѣ боевые снаряды, въ родѣ развитія матеріализма, нигилизма и пр.

— Но я, право, не вижу, сухо отвѣчала ему дама, — почему въ дѣвочкѣ разовьется матеріализмъ отъ того, что она будетъ знать, чѣмъ вывести пятно на платьѣ, или нойметъ истинную причину обращенія солнца, вмѣсто того, чтобъ оставаться при суевѣрныхъ понятіяхъ невѣждъ.

— Знаете что? вскричалъ администраторъ, внезапно озаренный мыслію:—по моему, лучше суевѣріе въ головѣ, да нотеплѣе здѣсь!... При этомъ онъ горячо прижалъ руку къ сердцу.

Сцена однако кончилась тѣмъ, что, несмотря на кавалерскую шутливость начальника, суровая педагогша подала ему просьбу о своей отставкѣ. Итакъ, изгнаніе естеств. исторіи, какъ и другія вышеупомянутыя мѣры, предпринимается опять-таки для развитія въ нашемъ юношествѣ теплоты сердца. Престранные лѣкаря и престранныя лѣкарства!

Уже теперь можно замѣтить характерные плоды той систематической неискренности, которая замѣнила недавнее увлеченіе нашей нарождавшейся было педагогіи. Много было ошибокъ и слабостей въ нашей педагогіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. За то все-таки закипала естественная жизнь; живое нащупывало живаго, искало путей къ росту, къ силѣ. Увлеченія исправляли сами себя, и честныя молодыя силы не жалѣли себя для дѣла, которое ихъ призвало. Кто былъ свидѣтелемъ или участникомъ того свѣтлаго отроческаго періода нашего образованія, тотъ съ болью смотритъ на преждевременное эгоистическое старчество теперешней педагогіи. Оно наступило для насъ, шагнувъ черезъ періодъ зрѣлой возмужалости, затушивъ пробивавшійся огонь новой жизни искусственною насыпью изъ стараго пепла.

Какъ бы ни было дисциплинировано учебное чиновничество, оно не въ силахъ стать дѣйствительною педагогическою корпораціею. Таблицы, отчеты, циркуляры и вся вообще канцеляр-

ская махинація, разросшаяся теперь до неслыханныхъ размѣровъ, можетъ тѣшить самолюбіе чиновниковъ, ее создающихъ,— но кто же рѣшится видѣть въ ней что-нибудь общее съ педагогіей? Наши скромные педагогическіе совѣты не трудно держать въ подобающемъ послушаніи, а еще легче пріучить педагоговъ строго руководствоваться присылаемыми начальствомъ программами, планами, инструкціями, учебниками и т. п. Это и для самихъ педагоговъ спокойнѣе и безотвѣтственнѣе всѣхъ педагогическихъ съѣздовъ, обсужденій программъ, разработки разныхъ воспитательныхъ и учебныхъ вопросовъ. Тогда все-таки нужно было и прочесть и узнать кое-что, обдумывать и наблюдать, умѣть и слово сказать, и на бумагѣ изложить. Тогда все-таки свѣжія силы выплывали, какъ масло на воду, и никакая Анна 2-й степени не оказывалась способною прикрыть бездарность и лѣнь. Но насколько это прозябанье выгоднѣе прежней энергіи педагогической жизни для самаго дѣла народнаго образованія— вотъ вопросъ, въ постановленіи котораго заключается и отвѣтъ на него. Люди слабы, и многіе изъ нихъ, годные на хорошее дѣло въ хорошихъ условіяхъ, легко сживаются, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, съ тѣмъ, противъ чего они сами съ любовію боролись. Я уже привелъ выше нѣсколько примѣровъ этого столь обыкновеннаго психическаго перерожденія, этой рѣшительной перемѣны фронта по требованію минуты. Я виню не столько этихъ слабыхъ людей, сколько тѣхъ, кто способствуютъ появленію вредоносной атмосферы, вызывающей такія перемѣны. Атмосфера эта распространяетъ свое вліяніе даже на тѣ стороны жизни, для которыхъ она прямо не разсчитана. Все, погруженное въ нее, мало-по-малу стремится усвоить ея запахъ, ея цвѣтъ. Въ к—ской гимназіи былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ директоромъ человѣкъ замѣчательныхъ гражданскихъ и педагогическихъ достоинствъ. Онъ недавно умеръ жертвою своей ревности и общественной неблагодарности. Но когда онъ, послѣ своего директорства, занималъ видный постъ въ окружномъ управленіи, бывшіе к—скіе сослуживцы его почтили этого достойнаго человѣка трогательною овацією. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна вѣтра унесла честнаго педагога. Въ к—скую гимназію былъ присланъ начальникъ совершенно противоположнаго направленія. Гимназія переродилась согласно новымъ требованіямъ, и перерожденіе это совершилось безъ всякихъ затрудненій. Каждый нашелъ выгоду въ новомъ положеніи. Что

педагогическая коллегія потеряла въ своей самостоятельности, то она вознаградила себѣ безконтрольною властію надъ учащимся.

Внѣшній порядокъ, внѣшняя исполнительность коллегіи потребовали нѣкоторыхъ усилій, но за то усилія эти облегчились послабленіями съ другой, не формальной стороны. Если гимназическіе педагоги бываютъ обязаны ѣздить въ мундирахъ поздравлять съ праздникомъ мѣстную администрацію, то за то съ нихъ можно не требовать болѣе трудной работы надъ своимъ преподаваніемъ, надъ развитіемъ своего образованія. Новый порядокъ вещей, между прочимъ, развилъ въ к—скихъ педагогахъ тотъ полезный талантъ, который возбуждалъ сочувствіе Молчалина: никто не умѣетъ такъ хорошо принять и проводить разныхъ посѣтителей. Шампанское, спичи, тосты, провожаніе въ мундирахъ до самой палубы, и сердечное Lebewohl съ маханіемъ трехъ-угольными шляпами, когда отваливаетъ пароходъ,—все это средства, размягчающія сердца даже наиболѣе мрачныхъ сановныхъ Катоновъ. Хотя такіе порядки немного и напоминаютъ старинный водевиль «*Школьный учитель*»: «хвала, достойный посѣтитель! хвала, совѣтникъ дорогой» и пр., однако они не препятствуютъ к—ской гимназіи и ея представителю оставаться на лучшемъ счету въ глазахъ тѣхъ, во имя кого учреждаются подобные порядки. Не очень давно педагогическій совѣтъ этой гимназіи вошелъ съ представленіемъ къ начальству *объ исходатайствованіи ему высочайшаго разрѣшенія повѣсить въ актовой залѣ гимназіи портреты директора и*, кажется, *мѣстнаго градоначальника*. Когда эта педагогическая мѣра была разрѣшена совѣту, то онъ воодушевился къ дальнѣйшему ея развитію и испросилъ высочайшее разрѣшеніе на повѣшеніе въ той же залѣ портретовъ попечителя учебн. округа и министра народн. просвѣщенія. Не лишнее прибавить, что въ минуту ходатайства какъ директоръ, такъ и упомянутые высшіе учебные начальники были на своихъ мѣстахъ если не 1 годъ, то, сколько помнится, не болѣе 2-хъ лѣтъ. Идея к—скаго педагогическаго совѣта пришлась по вкусу другимъ.

Одинъ изъ чиновниковъ окружнаго управленія съ очень внушительною похвалою отзывался о поступкѣ к—скихъ педагоговъ въ присутствіи учителей сосѣдней с—ской гимназіи. А к—н—ская гимназія прямо послѣдовала примѣру к—ской. Я ничего не имѣю противъ педагогическихъ портретовъ въ актовыхъ залахъ. Но меня удивляетъ, что ни одна русская гимназія не

ощущала этой потребности, напр., во времена Пирогова, котораго педагогическія заслуги во всякомъ случаѣ могли бы стать наряду съ заслугами новѣйшихъ начальниковъ к—ской гимназіи. Даже почтить теперь заслуги Пирогова было бы умѣстнѣе съ той точки зрѣнія, что онъ уже не стоитъ въ начальственномъ отношеніи къ людямъ, желающимъ безсмертить педагогическихъ дѣятелей; стало-быть, перспектива орденовъ и единовременныхъ пособій не могла бы въ этомъ случаѣ положить грязную тѣнь на ихъ просвѣщенную ревность.

Портреты—только частный случай. На однихъ портретахъ нельзя остановиться. Послѣ ревизіи одного округа, дирекціи были *официально приглашены къ составленію подписки на стипендію* имени ревизовавшаго лица, *только-что занявшаго свой постъ*. Мнѣ кажется, какими бы доблестями ни былъ исполненъ человѣкъ, для испытанія ихъ—или хотя бы для одного приличія—все-таки нужно выждать нѣкоторое время. Подписка была очень значительна, въ нѣсколько тысячъ рублей, и бѣднякамъ учителямъ, особенно уѣздныхъ училищъ, пришла вовсе не кстати. Въ нѣкоторыхъ, болѣе совѣстливыхъ заведеніяхъ было рѣшено сдѣлать вычетъ нѣсколькихъ % изъ жалованья каждаго чиновника, въ видѣ обязательнаго налога, въ другихъ—личные разсчеты заставили дѣйствовать иначе. Одинъ учитель б—скаго уѣзднаго училища, исправлявшій должность штатнаго смотрителя и пылавшій желаніемъ упрочить за собою эту должность, — несмотря на крайнюю бѣдность свою, *подписалъ одинъ 40 рублей*. А жалованья учитель получаетъ 294 р. въ годъ. Этотъ наивный чиновникъ невольно обнаружилъ истинный взглядъ всѣхъ подобныхъ ему людей на такого рода вынужденные налоги: они, очевидно, понимаютъ ихъ не иначе, какъ извѣстнаго сорта плату за успѣхъ своихъ личныхъ домогательствъ. На этотъ разъ онъ обчелся, потому что награды упали повыше.

Подобная система дѣйствій должна, мнѣ кажется, имѣть развращающее вліяніе въ средѣ, которая, по существу своему, особенно чувствительна относительно принциповъ. Несмотря на недавность новаго направленія, многія заведенія уже успѣли утвердиться въ обычаяхъ, о которыхъ невозможно было говорить нѣсколько времени тому назадъ. Теперь, какъ всѣ знаютъ, не рѣдкость слышать, что въ гимназіяхъ, считающихся за лучшія въ своей мѣстности, воспитатели позволяютъ себѣ бить учениковъ даже въ классѣ, иногда съ жестокостью, напоминающею времена

нашего собственнаго дѣтства. Вмѣстѣ съ старинным безцеремоннымъ обращеніемъ, старинным самовластіемъ учебнаго чиновника надъ дѣтьми—воскресаютъ и шалости старинных преданій. Въ пансіонахъ, еще недавно извѣстных своими добрыми нравами, обнаруживаются страшные случаи, о которых говоритъ даже пресса, и которые служатъ только образцами многаго другаго, о чемъ не всегда удобно заявлять въ печати. Корпораціи одномыслящихъ педагоговъ, организовавшіяся въ нѣкоторых заведеніяхъ, по стеченію благопріятных обстоятельствъ, связанныя единствомъ своихъ педагогическихъ взглядовъ, должны были мало-по-малу разбрестись врозь подъ давленіемъ требованій, чуждых педагогіи. Свѣжіе люди, мало способные примѣняться къ дуновенію вѣтра, дорожащіе выработанными ими идеями, вообще стремятся устранить себя отъ исполненія обязанностей, несовмѣстных съ ихъ правилами. Можетъ-быть, этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что въ настоящее время нѣкоторые наши педагоги, пріобрѣтшіе себѣ имя своими педагогико-литературными и практическо-педагогическими трудами, почти всѣ безъ исключенія примкнули къ инымъ учебнымъ вѣдомствамъ, помимо министерства народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, никогда, кажется, не сказывалось столько служебнаго вниманія къ педагогамъ-чиновникамъ, дослужившимся до извѣстных чиновъ и дожившимъ до извѣстных лѣтъ. Библейское правило: «предъ лицемъ сѣдаго возстани, почти лице старче» — правило почтенное, полное мужественнаго уваженія человѣка къ самому себѣ. Но предпочитать сѣдины съ позабытыми свѣдѣніями и потерянной энергіей молодой силѣ знанія и труда —во всякомъ случаѣ пагубное заблужденіе въ дѣлѣ педагогіи и такъ же мало споспѣшествуетъ торжеству религіознаго принципа, какъ всѣ рутинныя мѣры, о которых мы говорили выше. Не мудрено, если наше общество, убѣждаясь мало-по-малу въ слѣпой односторонности нашей гражданской педагогіи, начинаетъ, съ горемъ пополамъ, отдавать своихъ дѣтей въ военныя гимназіи, гдѣ, очевидно для всѣхъ, сохраняются преданія современной педагогіи, куда стекаются нерѣдко наши лучшія педагогическія силы, и гдѣ дѣти чувствуютъ себя, несмотря на рамки спеціальности, гораздо живѣе и просторнѣе, чѣмъ въ мрачных стѣнахъ гражданскихъ школъ. «Не хочу я вашей *кіевопечерской педагогіи!*» вскричалъ мнѣ разъ въ отвѣтъ разсердившійся пріятель, котораго я убѣждалъ отдать сына въ гражданскую, а не въ военную гимназію.

Это мѣткое прозвище, мгновенно родившееся въ головѣ практическаго человѣка, признаюсь, не мало озадачило меня тогда. *Кіево-печерская педагогія*—вотъ какъ обозначило общество направленіе, несочувственное ему и чуждое самой педагогіи. Можетъ-быть, кому-нибудь покажутся маловажными факты, которые я разсказалъ. Но, къ несчастію, они весьма серьезной важности. Я показалъ образцы безъ выбора, какіе попались подъ руку мнѣ лично, и какіе я могу вспомнить въ настоящую минуту. Но самая обыкновенность этихъ фактовъ, самое отсутствіе въ нихъ драматичности — указываютъ уже на повсемѣстную распространенность ихъ. Когда факты становятся обычнымъ явленіемъ, ихъ перестаютъ замѣчать, какъ перестаютъ замѣчать вредный воздухъ запертаго жилища люди, его не покидающіе. Но къ какому концу приведетъ насъ система воспитанія нашихъ молодыхъ поколѣній, сплетенная изъ подобныхъ мелочныхъ фактовъ? Исторію не обманешь и ложь не утаишь на днѣ: она всплыветъ рано или поздно, и всѣмъ скажетъ себя. Примѣры обществъ, разрушенныхъ своею собственною ложью, у всѣхъ предъ глазами. Не время церемониться съ заблужденіями, когда приходится спасать себя—и спасать скорѣе. Намъ сочиняютъ не существующія опасности, намъ сочиняютъ системы излѣченія отъ болѣзней, которыхъ у насъ нѣтъ, нашей мысли указываютъ идеалы, исчезнувшіе 2.000 лѣтъ назадъ. А мы видимъ своими глазами, ощущаемъ своими ребрами, *гдѣ* наша дѣйствительная болѣзнь, *чего* у насъ нѣтъ, *что* намъ нужно. И *этого* не хотятъ дать намъ. Мы силой загоняемъ нашихъ юношей изучать формы рѣчи давно погибшихъ народовъ, а кругомъ нашъ собственный народъ, мы сами погибаемъ отъ неумѣнія и невѣжества всякаго рода. Цѣлая часть свѣта, называемая Россіею, тысячи ея городовъ, десятки ея провинцій—не умѣютъ читать и писать какъ слѣдуетъ на своемъ родномъ языкѣ. Я лично знаю профессоровъ университета, дѣлающихъ грубыя ошибки въ правописаніи. Журналъ «Мин. Народ. Просвѣщ.» опубликовалъ недавно факсимиле съ подписей харьковскихъ дамъ, съ цѣлію предать ихъ посмѣянію. Подписи эти, можетъ-быть, дѣйствительно достойны жалости, но журналъ министерства напрасно думаетъ, это это недостатокъ однихъ ревнительницъ женскаго образованія. Стыдно сказать, но вся Россія такъ пишетъ. Возьмите любаго француза, швейцарца, нѣмца: каждый сидѣлецъ, каждая горничная пишетъ отлично. Въ Россіи же нѣтъ не только орѳографіи, но даже почерка. Бѣдность положительнаго знанія ду-

шитъ всѣ промыслы нашей страны и обращаетъ въ полунищихъ милліоны способнаго и работящаго народа. Наши русскіе мастера умѣютъ только портить вещи, за которыя берутся, наши учителя сами должны всему учиться, наши желѣзныя дороги служатъ не къ развитію, а къ остановкѣ торговаго движенія, чиновники наши—не просвѣщенные руководители массы, а невѣжественные эксплуататоры ея. У насъ цѣлыя общества неумѣлыхъ, ни на что не годныхъ людей. Человѣкъ, что-нибудь узнавшій, сколько-нибудь поработавшій и мало-мальски талантливый,—у насъ рѣдкость, удивленіе. Ему готовы все поручить, ему во всемъ готовы вѣрить, потому что кругомъ его нѣтъ людей, способныхъ оцѣнить дѣйствительность знаній. Оттого у насъ всѣ способности кончаютъ началомъ; самымъ небольшимъ усиліемъ они достигаютъ рѣшительнаго перевѣса надъ средою и не бываютъ вынуждаемы ничѣмъ болѣе къ дальнѣйшей работѣ надъ собою и своими знаніями. Неопытный юноша, котораго въ Германіи сочли бы за студента, подающаго надежды, у насъ нерѣдко бываетъ единственнымъ профессоромъ важнаго предмета, требующаго продолжительныхъ наблюденій. А въ Германіи Канты и Шлёссеры корнятъ многіе годы учителями гимназій. Можно ли удивляться, что такъ легко обогащаются у насъ и такъ легко давятъ насъ на нашей собственной родинѣ нѣмцы и другіе европейцы? Съ кѣмъ тутъ бороться имъ? Рыхлая древесина ракиты или осины не выдержитъ того, что выдерживаетъ дубовое дерево.

И при такихъ-то серьезныхъ обстоятельствахъ, при такомъ всѣми сознаваемомъ общественномъ банкротствѣ нашемъ, у насъ еще достаетъ духу тянуться за самыми роскошными изъ всѣхъ потребностей западной роскоши—за насажденіемъ археологическаго образованія въ обществѣ, не умѣющемъ читать и писать,—въ обществѣ, не умѣющемъ справиться съ простѣйшими дарами природы, доставшимися ему на долю. Что за польза лягушкѣ надуваться въ вола? Не зная малаго, къ чему гнаться за многимъ? Вспомнимъ, какъ А. Гумбольдтъ осмѣялъ претензіи нашего учебнаго вѣдомства приготовлять юношей-всезнаекъ посредствомъ начинки ихъ оглавленіями всѣхъ наукъ. Цѣлые факультеты нашихъ университетовъ пустѣютъ, нѣтъ дѣятелей на множествѣ полезныхъ поприщъ, а мы съ дѣтскимъ легкомыслiемъ городимъ одну баррикаду за другой, чтобы мѣшать желающимъ учиться тому, чему имъ хочется. Нѣмцы могутъ требовать знанія латинскаго языка хоть отъ своихъ кузне-

цовъ: у нихъ на всякое дѣло сыщутся всякіе люди. Но какой смыслъ намъ, при нашей вопіющей бѣдности въ знающихъ людяхъ, выгонять своими невозможными требованіями изъ гимназій $^3/_4$ гимназистовъ, отъ дверей университета всѣхъ тѣхъ, кто не познакомился съ риторическими измышленіями Цицерона или сибаритскою поэзіею Горація? Вмѣсто того, чтобъ откровенно сознать свое невѣжество и рѣшительно приступить къ правильному воздѣлыванію нашего разума, нашихъ знаній,—мы запутываемъ сами себя въ разныя средневѣковыя сѣти, мѣшаемъ педагогическія цѣли съ религіозными и политическими и своимъ систематическимъ потайнымъ недовѣріемъ къ спасительной силѣ образованія дѣйствительно подрѣзаемъ ему крылья, дѣйствительно доказываемъ на опытѣ, что *подобное* образованіе не можетъ вести къ добру. Но намъ нужно не то. Намъ нужно свѣта, побольше свѣта и настоящаго свѣта. Лейте его щедрою рукою, не урѣзывая, не усчитывая: избытка не бойтесь: въ нашей темной сторонѣ мы не скоро еще ослѣпнемъ отъ солнечнаго блеска. Пугать насъ тоже нечѣмъ. У насъ нѣтъ ни феніевъ, ни якобинцевъ, ни коммунистовъ. Мы всѣ—сплошной русскій людъ, скромный и послушный, безъ всякихъ политическихъ партій. Нашему многотерпѣливому народу просто хочется быть немножко поумнѣе, немножко позажиточнѣе, немножко посчастливѣе. Не мѣшайте же ему достигать этихъ законныхъ желаній путемъ свободнаго труда. Ваши черезъ мѣру глубомысленныя предосторожности и хитросплетенное руководство понапрасну дѣлаютъ его калѣкою. Онъ здоровъ, а вы его лѣчите: онъ хочетъ ѣсть простую природную пищу, а вы подозрѣваете въ этомъ вредный умыселъ и заставляете его жевать сухую, вывѣтрившуюся кость, которую вы откопали въ землѣ; а когда онъ плюетъ на эту падаль,—вы отгоняете его отъ трапезы. Людямъ, силящимся примѣшивать вопросы религіи даже туда, гдѣ имъ не можетъ быть мѣста, во всякомъ случаѣ не лишне вдуматься въ смыслъ того, что они профанируютъ своими квартальническими мѣрами. Они нашли бы самое безпощадное порицаніе всякой нетерпимости и мертваго формализма въ божественномъ ученіи того Учителя, который выступилъ защитникомъ простоты и жизненной правды, который громилъ фарисеевъ, постящихся двукраты въ седьмицу, за ихъ ненависть къ свѣту истины.

Е. Марковъ.